

Мэй Сунсюэ замер на мгновение, затем уголки его губ поползли вверх, и он беззвучно рассмеялся.

Он тут же сменил тон на испуганный и смущенно произнес:

— Ну... мне страшно, поэтому...

Мэй Сунсюэ посмотрел на кровать Сы Цзина, и тот подсознательно почувствовал, что это не лучшая идея. С пяти лет он привык спать один.

Заметив колебания Сы Цзина, Мэй Сунсюэ опустил взгляд, и его улыбка сменилась выражением глубокого разочарования. В глазах даже блеснули слезы, которые в лунном свете, пробивающемся сквозь облака, казались особенно хрустальными и жалостными.

Сы Цзин мгновенно смягчился. Все-таки они оба мужчины, к тому же соседи по камере, должны помогать друг другу, как члены семьи. К тому же Мэй Сунсюэ серьезно ранен, он и правда вызывает жалость.

Поэтому он слегка кивнул:

— Хорошо, тогда приноси свое одеяло и подушку.

Глаза Мэй Сунсюэ сразу же засияли, и он развернулся, чтобы собрать постель. Сы Цзин воспользовался моментом и зашел в уборную. Тюремные условия были вполне сносными, в каждой камере имелся свой санузел.

Вернувшись, он зевнул и по собственной инициативе передвинул свою подушку к самому краю кровати, вплотную к стене. Однако Мэй Сунсюэ все не шел. Его постель была такой же простой, как и у всех, почему же сборы затянулись так надолго?

Сы Цзин выглянул из-за кровати и спросил:

— Что случилось? Помочь тебе?

— Сяо Цзин... — голос Мэй Сунсюэ звучал растерянно.

В руках он держал бутылку с водой, неведомо откуда взявшуюся. Вылив половину содержимого на одеяло, он тихо прошептал:

— Мое одеяло намокло.

Сы Цзин с недоумением посмотрел на него. Это было крайне странно. Он взглянул на плотно закрытое окно, и в его розовых глазах отразилось полное непонимание:

— Как одеяло могло внезапно намокнуть?

Голос Мэй Сунсюэ стал обиженным и дрожащим, как у ребенка, у которого отобрали сладости:

— Прости, Сяо Цзин, я сам не знаю.

Сы Цзин тонкими красивыми пальцами сжал край своего легкого одеяла и дважды моргнул своими невинными лисьими глазами. Гу Хуэя сейчас нет, нельзя самовольно распоряжаться его вещами. Выходит, у него осталась только собственная постель.

Он мягко произнес:

— Ничего страшного, тогда воспользуемся моим.

Уголки губ Мэй Сунсюэ изогнулись в победной улыбке:

— Тогда побеспокою тебя, Сяо Цзин.

Сы Цзин добродушно кивнул:

— А подушка...

Он не успел договорить, как Мэй Сунсюэ вылил остатки воды на подушку и виновато добавил:

— Прости, подушка тоже намокла.

Сы Цзин:

— ?

Мэй Сунсюэ небрежно отбросил пустую бутылку. С того ракурса, под которым смотрел Сы Цзин, было видно лишь его вздрагивающее под холодным лунным светом тело — упрямое и жалкое.

Сы Цзин помолчал:

— Вот как. Ну хорошо.

* * *

— Сяо Цзин.

— Что такое? — Сы Цзин слегка склонил голову.

Мэй Сунсюэ улыбнулся, словно хитрый лис:

— Раз уж я зову тебя Сяо Цзин, зови и ты меня Сунсюэ, или Сяо Сюэ.

Боясь, что это прозвучит слишком внезапно, он поспешно добавил:

— У меня почти нет друзей, я просто хочу с тобой подружиться.

Он говорил очень искренне, с такой мольбой в голосе, что можно было легко представить все те невзгоды, что ему пришлось пережить. Все дело было в его невероятно приятном голосе, который заставлял невольно сопереживать.

Сы Цзин внимательно посмотрел ему в глаза и произнес:

— Сунсюэ.

Мэй Сунсюэ удовлетворенно улыбнулся, прикрыв ресницы и изображая покорность, но зрачки под ними пугающе сверкали. На мгновение Мэй Сунсюэ даже подумал, что тюремное заключение — не такая уж плохая вещь.

Сы Цзин вдруг одарил его чистой, безобидной улыбкой, и его голос стал таким мягким, что, казалось, вот-вот растает:

— Спи, уже очень поздно.

Мэй Сунсюэ едва заметно шевельнул бровями и тихо спросил:

— Сяо Цзин, хочешь еще послушать историю?

— Хорошо, — с готовностью согласился Сы Цзин. Кто бы отказался слушать такой приятный голос?

...

Истории Мэй Сунсюэ рождались сами собой, словно на тонких губах у него от природы было припасено множество занимательных сюжетов.

— Жил-был один ребенок, умный и милый...

— ...он любил компьютеры, программирование и цветы.

— ...а потом он убил всех, и тогда...

Когда дыхание Сы Цзина стало ровным, Мэй Сунсюэ замолчал. В уголках его глаз, казалось, блеснули слезы. Сы Цзин, с разругавшимися щеками, выглядел спящим сладко, словно невинный ягненок в лунном свете.

Дождь прекратился, выглянула луна.

— Сяо Цзин, я... — голос Мэй Сунсюэ был тихим, словно легкий туман.

— Что ты сказал?

Мэй Сунсюэ удивленно посмотрел на него. Юноша по-прежнему держал глаза закрытыми. Мэй Сунсюэ тихо позвал:

— Сяо Цзин?

Ответа не последовало. Юноша спал крепко, укрывшись одеялом, из-под которого виднелась пушистая макушка, и что-то невнятно бормотал.

Оказывается, это был просто сон.

Мэй Сунсюэ тихо рассмеялся и медленно договорил историю до конца:

— Он убил всех, кто над ним издевался, выбросил тела в глухих горах, а затем сдался властям.

— Думая, что в этой жизни его больше ничего не ждет, он встретил новую надежду в самой безнадежной тюрьме.

<http://bllate.org/book/19060/1871558>